VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

Андреев Алексей

Л ю б к и

Глава 1. Что такое любки?

Думаю, вернее было бы назвать эту главу: как я понимаю любки.

Честно признаюсь, я до сих пор не уверен, что понимаю их до конца верно. Я многократно пересматривал свое понимание, вдруг осознавая, что я подходил к ним поверхностно. Когда я впервые познакомился с Похaней, а это было в 1985 году, в гостях у моего первого мазыкского учителя, я вообще воспринял его с внутренней ухмылкой.

Старик, который меня с ним познакомил, что-то сказал про Поханю, что он боец и однажды будет меня учить драться. Я к тому времени имел за плечами школу бокса, самбо и карате. К тому же, чем особенно гордился, очень много дрался на улице. Жизнь у меня складывалась так, что мне не удавалось много выступать на соревнованиях, и я добирал своё в уличных драках. А уж там я дрался и с мастерами спорта и в толпе, и потому плохо верил, что кто-то может меня удивить. И уж тем более, не девяностолетний старичок, хотя Поханя выглядел лет на шестьдесят…

К тому же, как историк по образованию, как этнограф, в то время еще не отказавшийся от научного подхода, я сильно сомневался, что в знакомых мне с детства местах, куда я ездил на свои сборы, можно было найти какое-то настоящее искусство боя.

И вот в 1989 году я приехал к Похане после того, как побывал уже у нескольких старых мазыков, учивших меня и очищению, и науке думать, и даже повивальному искусству. Приехал, уже приняв, что мой жизненный путь - это самопознание. Но при этом еще нисколько не сомневаясь в себе как в хорошем уличном бойце, который знает, как надо драться в настоящей драке. Как говорится, на уровне рефлексов.

И вот дедушка мне говорит:

- Ты боец. Но ты не воин. Ты обязательно проиграешь. Бойцы обязательно проигрывают однажды…

Я слушаю его и вообще не понимаю! Именно так: я вдруг ловлю себя на том, что совсем не понимаю его. Но я был уже не тот, что ухмылялся внутренне пять лет назад. За эти годы я повидал разного, и понял: меня отправили к Похане после всей остальной учебы не случайно, не потому, что он был самым молодым. Каким-то образом любки должны доточить то, что я взял у остальных… И я пытаюсь его понять, я делаю усилие. И не понимаю, как будто у меня совсем нет образов, чтобы понять, о чем он говорит.

Я, конечно, не хамил и не наглел, я старался быть предельно вежественным. Но я все равно пытался разобраться и задавал вопросы. И попытался объяснить себя:

- Как проиграю? Я же держу себя в форме, я немножко тренируюсь, поддерживаю навыки. Конечно, многое уходит, но для своего возраста я неплохо держусь. Я бы еще вполне мог выступать…

- Полно, - отвечает мне Поханя, - ты не о том. Ты пытаешься брать силой. Все бойцы пытаются побеждать силой, скоростью, молодостью. И пока они сильны, они стараются набрать как можно больше побед. А потом, когда они стареют, им предъявляют. Все их победы - это долги, которые придется платить… Не людям, так собственному здоровью, или кому-то еще…

Оп-па! Вот тут я приплыл, как говорится…

Мысль, в каком-то смысле, бесспорная, но и в той же мере бессмысленная, потому что другого не дано.

- И что же делать? - спрашиваю я, внутренне ощущая, что победил его этим вопросом. - Жизнь так устроена.

- Это не жизнь, это ты так устроен. Ты говорил о самопознании? Вот, прими себя.

Всё еще не видя никакого просвета, просто ощущая, что меня обыграли на словах, я продолжаю барахтаться, чтобы добиться хоть какого-то смысла:

- А разве можно иначе?

И тут он мне отвечает будто из древней китайской книги:

- Старые люди учили, что в молодости надо драться так же, как ты будешь драться в самой глубокой старости. Если ты победишь так, то ты победишь навсегда, потому что противник не сможет дождаться, когда твое тело ослабнет…

Глава 2. Любки и мировоззрение

Собственно любков, как некой самостоятельной школы, не было. Просто иногда мужики предлагали друг другу: давай повозимся на любки. И каким-то образом понимали, что есть любки, до какой границы этот бой идет ещё на любки, а где он уже вышел за свои рамки. Иными словами, вроде бы никто не говорил об особом виде единоборств, но при этом все имели очень точное понятие, что есть любки, и прекрасно разграничивали их с другими видами боевых искусств.

Просто любки шире всех остальных видов единоборств и вообще боевых искусств. На любки можно биться на кулачки, можно бороться, даже в стенку можно ходить любошно. В стенке или уличной драке могли не допускаться удары ногами, но в любках ноги работают. Возможно, потому, что любки позволяли отрабатывать и то, что нужно в бою на смерть. В обычном же бою удар ногой считался не просто унизительным, а опускающим.

Очевидно, не в современном блатном смысле, а в смысле древнем - опускающим в нижние миры, поскольку нога у человека - это его Мифологический Низ. Блатные лишь заимствовали эти понятия из мифологического мировоззрения наших предков. И сохранили просто как жесткое правило, которое не объясняется.

Ноги - это Низ человека, ударить ногой, значит, отправить противника в те миры, из которых нет возврата. Даже через возрождение. Это допустимо только со смертельным врагом, с чужим, который, вероятней всего, нелюдь. Так считало обычное мировоззрение. Так это сохранялось в народе.

Но в любках работали и ногами. Просто потому, что на любки.

Правда, ноги в любках никогда не подымались высоко. Конечно, возможны удары в любую часть тела, но основная работа ведется не выше бедер. Я спросил Поханю, почему так, и он ответил:

- Чтобы я всегда мог оставаться собой. Даже в старости.

Действительно, это все то же самое, о чем я рассказывал в первой главе - уже сейчас надо работать так, как позволит тебе твое тело, постарев. И в этом есть какая-то потрясающая меня верность самому себе. Даже мое тело не заставит меня изменить себе, я всегда такой, каким решил быть. И никогда не предам себя. Значит, вообще, не предам…

Вот чем отличается воин от бойца. Все бойцы воспитывают в себе хитрецов, и потому предают. И все школы боевых искусств переполнены болью от предательств. Это даже как-то стало привычным, что все такие школы вечно погружены в обиды и разборки из-за предательств. И при этом почему-то не видят, что предательства эти заложены в самые основы их мировоззрения, того мировоззрения, которое сами они вкладывают в своих бойцов, воспитывая их готовыми отдать все за победу.

Почему никто не видит эту странность?

Наверное, собственное мировоззрение тех, кто возмущается предательствами своих бойцов, не дает им видеть, что это их собственная слабина…

Любков не было, но мы все же используем это название. Почему? Потому что мы не просто бьемся на любки в кулачных боях или боремся. Мы поставили себе задачей понять само мировоззрение любошного боя. Без мировоззрения это будут приемы, и это будет лишняя боль.

Но чтобы понять мировоззрение любошного боя надо понять то, как видели мир люди, дравшиеся на любки. Надо понять своих предков. А это не просто, потому что за последние века мы стали совсем другими людьми. Человек звучит гордо только у писателей. А в действительности он то, что делает из нас общество.

Общество изменилось, изменились и люди. Изменились настолько, что стали совсем другими существами. Как если бы мы в детстве попали к волкам и были воспитаны ими, мы обладали бы волчьим видением мира. Это общеизвестно. Так и попав в общество, мы оказываемся Маугли каменных джунглей. Человек - это обозначение того, что делает с чистой душой общество. Но душа эта могла развиваться множеством разных путей.

Вот и те собиратели, что сегодня пытаются этнографически изучать русский бой, сами являются современными людьми, и невольно искажают изучаемое.

В самом начале изучения любков, около девяносто первого года, я пытался найти в России тех, кто тоже возрождал русские боевые искусства. Тогда еще действовал запрет рассказывать о любках и мазыках. Но я помню, как я ездил в Москву, потому что мне сказали, что там какие-то парни работают в "русском стиле". Я бы рассказал им тогда о Похане, и показал все, что знал. Просто не выдержал бы и проболтался. Но когда я встретился с первым же из них, он сказал, что их школа называется "Система", и я захлопнулся…

Русский бой не мог называться этим иностранным словом. Я все же сходил к нему домой, где они с товарищем показывали мне работу с цепью. Мне понравилось. Но чем больше я с ними общался, тем отчетливей я осознавал, что это все же не совсем русские люди, это люди современные, цивилизованные. Просто они очень одарены, они думают, ищут, наверное, помнят какие-то корни. Но они направлены в то, чтобы завоевывать себе место в этом мире.

Я смог встретиться с ними еще раз лишь в девяносто втором году, и мои подозрения полностью подтвердились: это были прекрасные бойцы, но у них было совсем иное мировоззрение.

Потом же я встречался с бойцами из Петербурга, Твери, Кадочниковым. Они были гораздо ближе к действительным народным корням, но почему-то с ними тоже было очень сложно. Почему? Наверное, именно из-за того, что они бойцы, из-за разницы в мировоззрении…

Впрочем, мировоззрения меняются. И сейчас я ощущаю, что мне стало гораздо проще общаться с теми же людьми. Они стали старше и мудрее. Это понятно. Но главное, стал старше и изменился я сам. И ведь что удивительно: я сам и отпустил бойца в себе!

Конечно, они были бойцами. Но и я тогда был бойцом. Я только помнил Поханю, был переполнен образами, в которых пытался его понять, но я оставался бойцом. И потому, сталкиваясь с другими школами, я постоянно видел то, что было иным, не таким, как я ожидал. И плохо видел то, что было у нас общим. Ради чего можно было все простить и все позволить…

Я только помнил Поханю, но я не жил в его мировоззрении. Я даже умер как учитель любков в двухтысячном году, когда меня предали мои ученики. Так мне казалось.

Я преподавал под именем Алексей Андреев - сменить имя на прозвище меня заставил еще мой первый мазыкский учитель, поскольку так было принято. Все они имели прозвища и скрывали настоящие имена. Думаю, это было связано еще с магическими воззрениями, требующими скрывать имя, чтобы злые духи не нашли тебя. Что-то вроде знаменитой хитрости Одиссея, называющего себя ослепленному Полифему Никто. Как вы помните, остальные великаны перестают преследовать Одиссея, услышав, что их брата никто ослеплял.

Подобные рассказы есть и в русских сказках. Отсюда и "погоняла", то есть прозвища у блатных. Переходя в иной мир, ты должен взять иное имя. Любки были островком древнего мировоззрения внутри нашего мира. И я взял себе иное имя - Алексей, к которому добавил фамилию Андреев, когда начал печататься.

Но когда меня предали, я почти пережил клиническую смерть, и спасся только тем, что умерла моя личность, именно личность Андреева.

Вместе с Андреевым умерла изрядная часть моего мировоззрения, умер мой боец.

После смерти Андреева я стал гораздо меньше заниматься собственно движением в любках. Я почти не преподаю их. Но зато я очень много занимался мировоззрением. Я даже выпустил несколько больших книг, посвященных и тому, что давали мне старики, и вообще своему понятию мировоззрения. В сущности, больше всего я старался освободиться от того, что крепче всего въелось в сознание современного человека - от естественнонаучного мировоззрения.

Это не значит, что я освобождался от научности. Нет, я пытался понять, как в меня вошло то, что вытеснило мировоззрение моих предков, и сделало невозможным понять любки. Кстати, вошло оно всего полтора века назад, и вошло, как политическая мода, приведшая к революции…

Иными словами, когда сейчас мастер боевых искусств объясняет своим ученикам внутреннее содержание своего учения, говоря об энергии, он просто поддерживает этим власть тех, кто нами правит. Чисто политически, даже не научно!

Не было никаких энергий в русском языке, и человек - это не ёмкость и не конденсатор. И как говорил мой первый учитель, у которого было прозвище Дока: не завозили!

Дело в том, что, когда я к нему пришел, от всей деревни уже оставалось только четыре дома. И продукты к ним возили на крытом фургоне из села. И вот когда я его спрашивал что-то вроде:

- А с энергией работали? Энергия была?

Он каждый раз отвечал мне, примерно, так:

- Энергия? Не знаю. Не завозили.

Не было ни в русском языке, ни в русском мировоззрении, ни в сознании русского мужика никакой энергии. Было то, что было. Но пока в наших головах торчат "энергии", свято место занято, и нам нечем понять, что же было на самом деле. От таких сорняков надо освобождаться.

Вот этим я и занимался последние десять лет, чтобы высвободить место для действительного понимания того, что называю любками.

Чтобы понять любки, надо понять мировоззрение, в котором наши предки их создали. Но как его понять, если оно ушло?!

И все же, за те годы, что я преподавал любки, я сумел трижды сменить свое мировоззрение, и каждый раз обновленным умом понимал: я стал ближе к источнику.

Хотя до него еще так далеко!..

Глава 3. Самопознание

Меня иногда спрашивают: а как обрести любошное мировоззрение? Честно говоря, мне трудно отвечать на этот вопрос. Я брал любки по прямой передаче, и все же много раз обнаруживал себя видящим мир иначе, чем мои учители. После этого моя жизнь менялась, но лишь затем, чтобы однажды снова показать, что я еще далеко не мастер…

Однако те же старики, что учили меня, подсказали мне способ, который не позволит заблудиться на этом пути. Это самопознание.

Для бойца эти слова могут прозвучать совсем дико: кто же из бойцов верит в такую мягкотелую чушь. Честно говоря, я и сам долго не верил. Я вообще был довольно жестким бойцом, и когда у нас в стране разрешили Ушу, мы с товарищем были приверженцами южного кулака, как его понимали, конечно. А проще - нам нравилось самое жесткое, блок в блок и без накладок! И чтобы противник загибался от боли, всего лишь когда я отбил его ногу рукой…

Сейчас это уже невозможно, потому что все дерутся в перчатках и защитах, но психологически бойцы остались прежними. И я их понимаю.

Однако, в какой-то миг количество мелких поражений перерастает допустимый уровень, и происходит качественный скачок, который разрушает твою самоуверенность. И ты вдруг понимаешь: сила - это хорошо, злость, наверное, тоже, но иногда надо и думать. И вот тогда начинается первый пересмотр жизни.

И завершается он грустным признанием: ты не так уж хорош, как хотелось бы, и как казалось в опьянении первых побед. Вообще, это ужасная, ужасно печальная и ужасно разрушительная мысль, что ты не самый лучший в мире… и что обязательно найдется кто-то, кто побьет тебя, а потом посмеется! Это бесит! Вначале. Но потом заставляет задуматься.

И вот тогда начинается другая жизнь.

Многие бойцы после этого начинают приспосабливаться, и пристраиваются к сильным сообществам. Например, к бандитским. И после этого, опьяненные теперь уже заемной силой, еще долго остаются в счастливом ослеплении, считая, что их жизненный путь верен. Это тоже проходит. Особенно резко, когда понимаешь, что в этом мире все предают и подставляют. Именно жажда верности и обида на поганый мир выносит некоторых из того мира. Остальные просто ломаются и становятся либо животными, либо зверями… Но это отчаяние от слабости.

Настоящий боец, обладающий силой, идет по жизни своим путем. Или создает собственное сообщество. Но с годами сила его уходит, и он заменяет ее хитростью и заемной силой сообществ. В основном, в виде связей с прежними людьми, которые он начинает все больше поддерживать, чтобы иметь влияние на окружающий его мир.

Спортсмены оказываются обычно очень успешны в том, как заводить связи и поддерживать их. Это боевое искусство и замещает с годами собственно бои и соревнования.

Но что делать тому, кто чувствует, что еще не исчерпал свою охоту к бою, к изучению боевых искусств, и вообще, идет по жизни не как боец, а как воин?

Единственный выбор - разочароваться в жизни еще раз, и снова начать думать.

И вот тогда приходят настоящие вопросы.

К примеру: а зачем мне все это? Зачем я сражаюсь, зачем изнуряю себя упражнениями? Почему не могу успокоиться? И вообще, кто я?

Так приходит самопознание, приходит, как неизбежность пути воина.

И тогда, обозревая свой жизненный путь с высоты лет, ты видишь: путь бойца предшествует пути воина, и путь полководца, человека, собирающего свои сообщества или полки, тоже ему предшествует. И ты делаешь предположение: все бойцы однажды должны стать полководцами, а потом воинами. Но не всем хватает на это жизни. Но не в смысле времени - они же еще долго болтаются по миру ходячими мертвяками, - а в смысле жизненной силы.

Им просто не хватает жизненной силы, не хватает охоты жить и исследовать неведомое, чтобы дорасти до вопроса о собственной природе. Но это не страшно, потому что не в этом, так в одном из следующих воплощений этот вопрос все равно нагонит всех бойцов, нагонит и оглушит так, что поменяется все их мировоззрение…

Вот и для себя я исхожу из одного допущения: я могу терять мировоззрение любков, поскольку жизнь отвлекает и увлекает меня. Но если я не утеряю самопознание, оно обязательно выведет меня к истине, потому что любки, как говорили мне деды, отправившие учиться к Похане, естественно соответствуют природе человека. Иначе говоря, это единоборство без насилия над собой, а значит, текущее самым естественным путем, какой только свойственен человеку.

Правда, до такой естественности надо еще добраться. Вот почему у любошников были понятия о разных видах любков, соответствующих разным состояниям человека. Были любки людские, были земные…

Людские любки учитывают то, что биться тебе придется не с естественным человеком, а с человеком, в которого пролилось общество со всеми его сумасшествиями. И это очень непростой противник в силу его непредсказуемости.

Поэтому начинали изучать любки с любков земных, то есть с изучения того, как твое тело ведет себя естественно, преодолевая помехи, которые ставит на его пути земля.

В сущности, это есть изучение собственного разума. Но для нас сейчас важно подчеркнуть, что в земных любках мы изучаем, как проявляется наше я сквозь тело, разум и душу, а в людских - сквозь мышление и сумасшествия.

Глава 4. Побеждать навсегда

Чем важно и что дает самопознание в бою? Оно позволяет выходить победителем даже из тех боев, в которых ты проигрываешь. Это как поражение Петра под Нарвой. Тот не проиграл, кто не сдался. И если ты видишь битву шире, чем противник, ты используешь поражение для победы, ты извлечешь из него урок.

Самый широкий способ видеть битву - через самую высокую цель, какую ты только можешь себе представить. Просто попробуйте найти что-то выше, чем познание себя…

Упражнение это простое: скажите, ради чего вы хотите побеждать других. А сказав, задайте себе вопрос: зачем? И когда придет ответ, снова спросите себя: зачем? А когда придет ответ и на этот вопрос, спросите: а зачем это?

И так будет длиться, пока вы не поймете, что не понимаете сами себя…

Суть мировоззрения любков в том, чтобы научиться побеждать навсегда.

Это требование тоже понимается по-разному. Боец может посчитать, что победить навсегда можно убив - нет противника, нет проблемы. Правда, потом начинается кровная месть или муки совести, которые достанут тебя на смертном одре…

Можно посчитать, что побеждать навсегда можно, превращая противника в друга. Это описано в былинах, когда поединщики, не имеющие себе равных, наконец находят

достойного противника, может быть, первого, с кем насладились искусством боя. И не убивают его, не побеждают, а вместо этого подымают с земли, уже поверженного, обнимают и предлагают побрататься…

Да вы и сами помните из детства и юности, как становились друзьями с тем, с кем подрались честно и красиво. И как вас начинали уважать, когда вы не струсили, а достойно прошли драку. Даже заклятые враги начинают уважать в таком случае. И чаще всего такие почестные битвы ведут к дружбе, тем самым, становясь победами навсегда.

Хотя чаще то, как мы побиваем других, ведет лишь к ненависти…

Но можно побеждать навсегда и через самопознание.

Это удается тогда, когда всё, что ты делаешь, оказывается исследованием и уроком. Я пятнадцать лет обучал любкам. И на каждом занятии я показывал, как можно побеждать, побеждать и побеждать, тем самым постоянно побеждая тех, кто приходил ко мне учиться. Внешне побеждая - ведь если противник кувырком летит на землю или начинает таять в твоих руках, как восковая свеча, это вполне можно оценить или распознать как победу.

Но никто из этих, условно говоря, побежденных, не уходил обиженным, и не чувствовал себя побежденным. Почему?

Потому что это всегда было лишь уроком. Честная схватка, но в рамках договора об обучении и самопознании. Честная в том смысле, что если мое движение не проходило, я никогда не старался добавить в него силы, додавить или обогнать за счет скорости. Я работаю в рамках той скорости и той силы, о которых договорились. И этого же требую от противника. Мы на равных.

И на равных я показываю, как можно обыгрывать его тело и его личность. Я всегда готов признать, что он ловчее меня. И мне нечему его учить. Но если мне удается обыграть на равных, человек с очевидностью видит какое-то свое несовершенство, которое теперь получает имя. И значит, может быть устранено. Вот его взяток - шажок к совершенству.

Иными словами, любки - это не для того, чтобы потешить свое тщеславие, швыряя неподготовленных или слабых. Любки - это для помощи тем, кто хочет познать себя, и это всегда подарок, несущий шаг к совершенству.

Его или моему.

Потому что, если мне не удается показать несовершенство другому, я нахожу место, где несовершенен сам. И это тоже подарок.

И это то, что я жду от приходящих ко мне.

Собственно говоря, это и есть основная плата, которую я жду от своей работы - помощь в моем самопознании. Самопознание позволяет увидеть поражение как несовершенство, которое удалось выявить. И чем ты ловчее, чем выше твое мастерство, тем это труднее. Вот почему с возрастом ты начинаешь гораздо больше ценить поражения, чем победы.

Поражения учат, победы пресыщают. Поэтому к тому, кто может побеждать тебя можно ходить бесконечно, поражение и есть победа навсегда, которую ты даришь другому. Попросту: если ты в силах подарить красивую победу мастеру боевых искусств, он не в силах не оценить твой подарок, и тогда вы становитесь друзьями, если не братьями. Это и есть настоящая победа.

Но такая широта души возможна лишь в том случае, если твое мировоззрение допускает принять поражение как урок в совершенствовании или подсказку в познании себя.

Глава 5. Любки земные

Как сделать каждое свое поражение уроком, в общем-то, понятно. С годами это становится естественным, но и в молодости мы непроизвольно учимся на поражениях. Если уж быть точным, то учимся мы только тогда, когда получаем в морду…

Как сделать каждую свою победу подарком - вот вопрос! И решение его для меня возможно только в любках.

Чтобы подарить победу другому ему вовсе не обязательно проигрывать. Можно подарить ему и свою победу. Это не просто, но проще этого нет ничего. Надо всего лишь перестать видеть ее победой, просто перестать побеждать. А все, что делаешь, надо делать для него.

Как делать что-то для другого в бою? Показывая ему его несовершенство, и, не пользуясь этим несовершенством, чтобы побить его, помогать увидеть и осознать.

Это очень непросто, если ты не уважаешь своего противника и не можешь восхищаться им. С таким противником и не надо биться на любки. Он враг, и его надо просто бить, возможно, смертным боем. Но это совсем другой разговор.

В любках ты выходишь на поединок только с теми, кого уважаешь, и кем способен восхищаться, даже если он заведомо слабей тебя. Что-то все же должно тебя восхищать даже в менее опытном или искусном противнике. Хотя бы его жажда жизни, победы или урока. Способность учиться - это великое искусство. Слабый противник, способный учиться и не умеющий сдаваться, однажды станет великим воином. Это заслуживает восхищения.

Если ты восхищаешься своим противником, ты в состоянии перестать побеждать и начать помогать ему. Ты учишь его в меру его сил, и каждый раз, обыгрывая его, ты делаешь это так, чтобы он понял, в чем его слабина, и освоил то, как можно обыгрывать таких же, как он.

Но это искусство требует взаимного понимания и немалых знаний о том, что вы такое и чем вы занимаетесь.

Поэтому вначале обучения любкам вводятся определенные ограничения, в рамках которых и ведутся схватки. Первое из ограничений называется Земными любками.

Мой учитель Поханя объяснил мне это, как только я задумался о том, как можно уже в молодости драться так же, как будешь драться в старости. Сначала мне казалось, что смысл этого урока в том, чтобы не драться совсем, потому что старики не дерутся, как кажется. В ответ на это Поханя просто засмеялся и сказал, подмигнув мне:

- Дерутся, дерутся, еще как дерутся! Мы, вон, с Катей иной раз так раздеремся, что соседи сбегаются. А то было, мой зятек попытался у меня в доме командовать.
Пришлось пару раз стукнуть о дверной косяк. Теперь ведет себя тихо, уважает.

Зятька его я видел - тупая скотина килограмм под сто весом. Приезжал при мне только сажать или выкапывать картошку. Все время смотрел в сторону, словно нас с Поханей не было вовсе. Поханя звал его Центнером…

Но это к слову. А не к слову могу сказать, что очень скоро убедился, что старики могут швырять таких молодцов, как я, гораздо легче, чем мне подобные. И это означает, что побеждать в молодости так же, как сможешь побеждать в старости, означает нечто вполне определенное, вполне относящееся к настоящему бою. За этим нет никакой хитрости или языковой игры. Но это надо понять.

Вообще-то Поханя относился ко мне как-то удивительно бережно. В отличие от всех дедов, у кого я учился до него. Те были порой просто звери. Первый из них, Дока, о котором я писал раньше как о Степаныче, просто издевался надо мной, придумывая, можно сказать, пытки. Лишь годы спустя, когда сам начал работать как прикладной

психолог, я понял, насколько точен он был в своих действиях, и насколько хорошо видел мой предел. Второй - Дядька - постоянно материл меня и бил костяшками пальцев по лбу. Причем, я ни разу не сумел увернуться, даже если он делал это десять раз подряд…

Поханя ни разу не причинил мне боли выше той, что естественно должна сопровождать какие-то приемы или броски. И он все время щадил меня как в бою, так и в беседе. И при этом он не уставал. Он будто бы вообще не уставал, хотя мы двигались с ним дни и ночи напролет.

Кстати, я тоже не уставал, пока был у него. Усталость, просто дикая, валящая с ног, обрушивалась на меня, когда я садился в поезд, возвращаясь домой. До дому мне было чуть больше двух часов, и я, кажется, ни разу не смог доехать до Иванова, не уснув. Хуже того, меня все время будили уже на вокзале, так крепко я спал. И потом я отсыпался еще сутки или двое.

Об этой странности любков я рассказываю потому, что она не случайна. Она каким-то образом вытекает из того первого ограничения, что Поханя назвал Земными любками. Объяснил он его, примерно, так:

- Если хочешь понять, как такой старый сморчок, как я, мог побить Центнера, ты должен будешь забыть всю свою хитрость.

- Какую хитрость? - вырвалось у меня. Я-то считал себя честным бойцом, и даже гордился этим.

- Все бойцы - хитрецы! - ответил Поханя. - В этом суть бойца. Это не плохо, это даже необходимость. Просто это надо в себе рассмотреть.

Боец вынужден биться против человека из общества. Общество - хитрое, оно учит, как побеждать хитростью. Значит, надо хитрить самому, иначе не устоишь. Боец учится хитрости.

Но хитрость - это лопоть, одежки, которые одеваются поверх пельма, то есть разума. Ты должен это увидеть. Главное, увидеть, что под хитростью есть просто разумность. Вот ее и надо у себя проверить в первую очередь. Для этого мы сначала будем учиться земным любкам…

Все это требует пояснений, но вкратце могу сказать: сначала мы учимся думать, а уж потом - хитрить. Думать же нас учит Мать-сыра-земля.

Глава 6. Разум

Эта глава и несколько следующих являются общими для этой книги и для Учебника самопознания, написанного мною. Объясняется это тем, что в какой-то миг самопознание должно обратиться к тому, как ты проявляешься сквозь собственное тело. Но сквозь тело ты проявляешься как душа, душа же - источник движения, и значит, видна в движении, в том, как движутся наши тела. Поэтому действительное самопознание с неизбежностью приходит к изучению движения, которое доступно нам лишь как движение тела.

Но тело не движется само, и оно не в состоянии просто воплощать душевные порывы. Оно вынуждено воплощать их только так, как может, а может оно лишь в соответствии с законами нашего мира. Иначе говоря, телесное движение есть воплощение душевных движений, преломляющихся в свете законов земного существования. И это вовсе не такой простой предмет.

Только физикам кажется, что движение так же просто увидеть, как яблоко, падающее на голову Ньютона. В действительности как раз в падении яблока и не было никакого движения. Это было лишь перемещение тела под действием земного притяжения. Движение так же трудно для нашего наблюдения, как и душа. Оно - источник перемещений тел, и поэтому скрыто и спрятано этими самими телами.

Тела так захватывают наше внимание, что мы просто не в силах видеть ничего, кроме них, и почти никогда не замечаем того, что заставило их перемещаться. Движение - не невидимка, но оно редко кому показывает себя. Это даже не искусство видеть движение, это дар. Впрочем, дар этот нам естественно дан, и его просто надо восстановить и развить.

Как его раскрывать могу показать, в частности, на примере нашего собственного тела. Чтобы увидеть движение, надо расширить свое сознание на огромный временной отрезок - от рождения и до настоящего. И попробовать посмотреть на любое перемещение, что вы совершаете сейчас, удерживая осознавание его огромности и длительности. Вот, к примеру, вы протянули руку и взяли книгу…

Сделайте это и понаблюдайте за собой. Где здесь движение?

Я намеренно взял привычное действие. Мы миллионы раз за жизнь протягивали руку и что-то брали. Это позволяет забыть о книге, что у нас в руках, и увидеть, что мы берем Нечто. Все равно что - навык один и тот же.

Вот теперь протяните ее еще раз и возьмите то же самое Нечто, что только что брали, не обращая внимания на то, что это такое. Просто ограничьте себя только чистым движением, которое созерцаете.

Ваше состояние определенно изменится, оно станет созерцательным, и будет таким до тех пор, пока вы не впустите узнавание взятой вещи в свое сознание. Но не впускайте. Берите просто вещь, тогда вы будете только брать, и это уже очень близко к движению. Но это еще не оно.

Чтобы пройти дальше, нужно еще расширить сознание, и вспомнить, как вы учились брать вещи. Весь этот опыт тоже закрывает от вас движение различными перемещениями руки. Для начала вспомните то, что живее всего: например, как вы берете горячее. Ожоги болезненны, и поэтому перекрывают видение, вынуждая помнить некоторые правила обращения с горячими вещами. И это - лопоть, пелена образов, перекрывающая ваше видение.

Потом вспомните, как брали холодное, мокрое, скользкое… слишком большое для одной руки, крошечное, что едва уцепишь ногтями… мягкое, вроде перышка, лепестка или крылышка бабочки… живое…

А теперь осознайте, что прямо сейчас вы проделали огромный путь во времени, и вполне можете вспомнить, как дети пытаются взять игрушки, которые висят у их люльки. Им еще неведомо расстояние, и поэтому они одинаково тянутся как к круглой погремушке, так и к луне… И вы делали так же… Пока не поняли разницу.

Так вы учились. Но что вы обучали в себе?

Разум.

Разум рождался как орудие выживания в этом мире, как то, чем вы приспосабливаетесь к земным условиям жизни. Разум, как мы все знаем, позволяет не только действовать, но и думать. Но при этом он весь состоит из вот таких простейших образов движений, ошибок и находок…

И если вы это увидели, скакните вперед по возрасту, прямо в то время, когда вы впервые пришли в боевые искусства. Вспомните, как вам с трудом давались бойцовские движения. Как трудно было запомнить и освоить эти странные движения руками, ногами, телом. Как они не слушались, разъезжались и расползались. И как вы заставляли и заставляли их слушаться, повторяя одно и то же движение раз за разом, нарабатывая его…

Кого вы в действительности обучали, кого заставляли и натаскивали? Тело?

Ничего подобного. Если вам сейчас выключить сознание, если вы потеряете память, двигательные навыки тоже исчезнут, потому что они хранятся в разуме, записанные в виде образов. Образов движение.

Именно их-то вы и нарабатывали. Когда спортсмен раз за разом повторяет какое-то движение, скажем, пытаясь повторить учителя, он не просто двигает телом. Он

заставляет тело двигаться точно в соответствии с тем образом, что усвоил и пытается повторить. Нарабатывая движение мы в действительности нарабатываем образ движения. Тело лишь вливается в него. И ошибки наши при этом не есть ошибки тела. Телу совершенно все равно, что делать. Если оно не порвется или не сломается, оно выполнит любое движение.

Но вот образы наши несовершенны. Вот вы, к примеру, работаете над тем, как правильно подсесть под противника при броске через спину, и у вас почти все получается, вот только вторая нога никак не хочет вставать вместе с первой между ног противника. Она все норовит встать снаружи его ноги. Почему?

А потому что у вас есть образ того, что так стоять уязвимо, вы неустойчивы и обязательно упадете. Вот поэтому посреди воплощения образа броска у вас включается образ того, как остаться устойчивым. И бросок не получается, просто потому, что вы не сумели создать или удержать образ…

Точно так же любой каратист может вспомнить, как трудно вначале бить одной рукой, поворачивая ее кулаком вниз, а другую в это время дергать назад, разворачивая кулаком вверх. Но вы работаете, и однажды образ усваивается, и ваше движение пошло…

Вот так разум строит ваши боевые движения. И уже из этих примеров видно, почему тренеры кричат лучшим своим бойцам: думай! Думай в бою! Не лезь биться силой, не ломи!

Думай, значит, создавай такие образы, которые позволят выполнить прием, учитывая не только земное притяжение, но и противника. Но учитывая в точности так же, как при броске через спину. Просто дотачивая образ до совершенства через учет помех и понимание их природы: попробовать сделать прием, увидеть помехи, назвать их, понять, и найти способ их преодоления. Вот что значит думать.

Но редкий тренер может это внятно объяснить. Даже тот, который сам думал в бою. Чаще всего думать мы учимся как бы помимо себя, случайно или побочно. И уж точно в мире нет ни одного учебного заведения, которое могло бы нам объяснить, что такое разум, и как он думает. Почему-то человечество не обращалось к этому предмету, будто бы исходило из того, что думать нам естественно, и учить тут нечему.

Думать нам действительно естественно, а вот учить можно и нужно.

Особенно если мы хотим наблюдать, как проявляем себя в движении. Ведь движение это окажется вовсе не тем, что видно при перемещении руки к вещи. В том, как рука тянется, чтобы схватить что-то, движение вообще почти невозможно рассмотреть. Почему?

А потому, что движение вырывалось из нас в чистом виде только тогда, когда мы не умели протягивать руку и хватать. Лишь когда мы пытались схватить луну, движение было с нами. Вот тогда был порыв. Но как только нам это удалось первый раз, мы поняли, что надо делать и создали образ. А потом следующий, следующий, следующий… И теперь, когда мы протягиваем руку, мы безусловно делаем движение, но вот видим только эти бесчисленные слои образов, которые управляют нашей рукой.

Так нарабатываются приемы, так перемещения наших тел становятся узнаваемыми. И мы с первого взгляда определяем по тому, как перемещается противник, кто он - боксер, каратист, самбист, борец… Мы глядим на тело, а видим образы, по которым оно перемещается. А где же движение?

Оно внутри и где-то давно в прошлом. До движения еще надо дойти. Но если до него дойти, станет возможным подняться над всеми стилями и школами. Не знаю, сделает ли это тебя непобедимым, но точно приблизит к познанию себя и своей истинной природы.

Впрочем, действительно хорошие бойцы выходят на эти уровни боя, как говорится, интуитивно. И каждый помнит такие мгновения, когда у него «катило», когда он видел намерения противника, читал его, опережал, будто стоячего, иногда даже видел будто в замедленном кино…

У меня бывало такое еще до встречи с любками, в уличных драках, и я такие состояния вспоминаю до сих пор, как лучшие мгновения моей жизни. Мазыки же объяснили мне, что это - выход за пределы разума, в состояние, которое называется Стих. Стих - это безобразное состояние сознания и ума. Душа проявляется в нем непосредственно, без искажений.

Глава 7. Стих

Стих - это стихийное или стихиальное состояние сознания. Можно сказать, состояние сознания как некой стихии. Конечно, сознания, как его понимали мазыки. А они понимали его и как способность осознавать, и как некую вещественную, как сейчас говорится, тонкоматериальную среду, разливаемую душой вокруг себя. Среду, которая обеспечивает выживание души в теле, и выживание тела на земле, поскольку именно она позволяет учиться, думать, решать задачи.

Правда, надо оговориться. Поскольку народ считал, что у человека две души - чувствующая и живая или животная, то предполагалось, что и сознание не однородно. Чувствующей душе принадлежит собственно сознание, а душе животной или телесной принадлежит пара.

Признаюсь честно, я пока еще с большим трудом понимаю разницу между ними и в работах не смогу всегда уверенно сказать, на что именно воздействую. Эту часть мазыкского наследия надо еще исследовать. Но до такого исследования нам еще идти и идти, потому что не освоено слишком много того, что ему предшествует. Впрочем, мы идем, и дорога явно ведет нас и к этим исследованиям.

С точки зрения боевых искусств освоение стиха так же желательно, как и с точки зрения самопознания. Для самопознания умение выходить в стих - знак немалого пройденного пути... Для бойца - это возможность освоить бой на ином уровне, условно говоря, на том, о каком мы все когда-то мечтали, насмотревшись фильмов про таинственных китайских дедушек.

Но чтобы освоить такое, надо понять: к этому месту в себе, как и к подобному искусству нельзя прийти теми способами, что сделали вас успешными в прежнем мире. Человек, слепо верящий в силу своего кулака, так и останется костоломом, для которого просто нет иного искусства. Костоломство надо однажды преодолеть и оставить в прошлом. Иначе новый мир никогда не придет.

Кстати, нельзя и двигаться теми путями, что показали нам американские фильмы про китайцев. Как вы помните, в них некие таинственные дедушки-учителя принимают к себе ученика и обучают его так, что у него открываются сверхспособности. В итоге он возвращается в свой прежний мир и мстит всем своим обидчикам. Кстати, подобные фильмы так и называют "киенематограф мести".

Чем очаровывали подобные фильмы бойцов? Понятностью всего, что предлагалось. Мало кто сумел понять, что предлагалось, но все узнали и приняли. И знают теперь: хочешь раскрыть особые способности, надо только найти дедушку, и все получится. И ведь ищут. Но какого дедушку они ищут?

Именно такого, какого узнают по фильмам.

Что же за образ учителя и обучения поселен в наши души этими фильмами? Первое: чтобы принять бойца в обучение, дедушка должен убедиться, что у ученика есть желание и силы. Точнее даже, сверхжелание и сверхсилы, потому что обычного

человеческого желания и обычной силы недостаточно. В сверхспособности перерабатывается именно то, что сверх обычного. Где их взять?

В неком внешнем источнике - к примеру, в сильнейшей обиде, взывающей к мести. Вот жажда мести может быть тем материалом, из которого дедушка будет лепить бойца. Поэтому он сразу пытает новичка на предмет его готовности отречься от всей остальной жизни ради обучения. Обычно это показывают как то, что дедушка долго отказывается учить искателя, заставляя того упросить себя. На самом же деле он всего лишь убеждается, что решимость ученика действительно велика.

В каком-то смысле это и верно: нет решимости, нет настоящего желания, ничего не добьешься. И это узнается всеми бойцами, поскольку соответствует их спортивной жизни. Поэтому, если они ищут ученичества, они исходно ожидают подобной проверки. А поскольку боятся ее и знают, что уже не выдержат, то и не ищут ничего нового, если уж быть честными. А только болтают об этом. Сами же предпочитают сохранять свой уютный мирок, в котором они мастера, вечно мечтающие о том, чтобы снова стать учениками…

Как видите, что-то уже не так. Но это только смутное подозрение. До действительного понимания еще надо суметь добраться. И скрывается оно в совсем ином мировоззрении, из которого видно: весь этот путь - обман. Он возможен, теоретически… Но он ложен.

Объясню. Месть - это, конечно, движитель. Но это цель, выстроенная на движении души восстановить справедливость в мире людей. А душа не принадлежит к миру людей. Все подобные цели для нее временные, случайные и вообще - проходные. Попасть в жажду мести для души означает попасть в ловушку, удерживающую ее в воплощении. Попросту говоря, добровольно отдать себя в ад.

Ад лежит в противоположной стороне от того мира, из которого приходят души. А те сверхспособности, о которых идет речь, совсем не способности тел! Они даже не сверхспособности. Это просто способности вашей души, и ее вовсе не надо насиловать, чтобы выбить их из нее. Она ими всегда обладает независимо от ваших усилий или обид. Месть нужна затем, чтобы протащить эти способности вместе с душой как можно глубже в адские миры ваших обид…

Не нужно и такое обучение, как выстраивают кинематографические дедушки.

Не нужно по той простой причине, что крепость души не вскрывается штурмом тела. Хотите открыть в себе особые способности, задайтесь вопросом: чьи эти способности? Первый ответ, ответ человека не самопознания, - мои! Но ты - сложное явление. Сделай шаг дальше, спроси себя: а кому во мне они принадлежат? Телу, личности, душе?

И вы увидите, что ваша личность сможет использовать эти способности, тело будет наслаждаться, пребыванием в них, но принадлежать они могут только душе… Так что же вы направляете свои усилия не туда? А если вспомните дедушек, то однозначно увидите, что их обучение всегда направлено на укрепление тел и личностей.

Не надо штурмовать крепость души. Душа и так принадлежит вам, и крепость тоже ваша. Что же вы ее громите?! Немножко забылись и чуточку сошли с ума, штурмовать собственные крепости?

Надо просто успокоиться, посидеть в тишине, подумать, посозерцать. И вам откроется, что душевные способности вскрываются тогда, когда вы возвращаете соответственные кусочки своей отмороженной души. Опишите их и отогревайте. С теплом будет возвращаться душевное совершенство, а с ним и то, чем вы хотели поражать людей…

И тут вскрывается второй обман, которым очаровывали бойцов всего мира американские фильмы. Сверхсила и сверхобида не нужны, чтобы раскрывать те способности, которые считаются особенными. Это все от спешки, от желания перескочить через естественные ступени роста, которым болеет всё мировоззрение прогресса.

Все эти способности приходят естественно, просто потому, что душе пришло время их раскрывать.

И это не значит, что ничего не надо делать, или, что не нужно к ним стремиться.

Стремиться можно и нужно, потому что они - показатель движения. Знаки пути. Если подобные способности раскрываются, значит, ты действительно движешься, и движешься верно. Да и в бою они могут пригодиться и спасут тебя.

Но стремиться к ним - не значит, насиловать себя и принуждать к тому, что не хочется. Стремиться можно, но путь иной, почему и не удается находить сверхдедушек ищущим их бойцам. Разве что какой-то одаренный человек начинает этакого дедушку изображать, чтобы удовлетворить запросам желающих расстаться с деньгами.

Действительный путь гораздо мягче и гораздо яростнее.

Он идет через исследование и изучение себя. На нем ты просто убираешь помехи тому, что хочешь раскрыть, но убираешь их, не проламывая дыру в стене, за которой лежит твоя способность, а очищая саму крепость, в которой живешь. Ты просто убираешь помехи простой и естественной жизни в самом себе.

Способности приходят, когда ты начинаешь жить в согласии с самим собой и с миром, в который пришел. Почему?

Очень просто. Может быть, слишком просто.

В действительности, все эти сверхспособности - это лишь оружие из твоего собственного арсенала. И ты всегда им владеешь, но ослеп. И не можешь пользоваться, потому что не видишь. Чтобы способности вернулись, чтобы оружие снова оказалось в твоих руках, надо всего лишь его увидеть. Чем лучше твое видение, тем больше у тебя способностей и тем легче ты ими пользуешься.

А помехи, которые засоряют твою крепость, это помехи в твоем сознании, мешающие тебе видеть.

Вот почему так важно было научиться выходить в Стих, в то состояние сознания, которое предшествует и разуму, и мышлению, и сумасшествиям. Просто чистое, стихиальное состояние сознания, в котором даже нет образов. То состояние, в котором: увидел - сделал…

Я не буду его расписывать. Вы можете посмотреть его вживе или в фильмах, посвященных Накату и Темной. Там оно ощущается. Можете попробовать сами. И надобность в словах отпадет.

Говорить надо о том, как его достичь и вернуть способность входить в него свободно и по собственному желанию. Хотя бы пробить крошечную дырку в той мути, что окружает нас, сделать эту дырку кусочком своей земли, и расширять, пока не очистишь все свое сознание.

Для этого не надо свирепых китайских дедушек, пропущенных через американскую мечту. Для этого достаточно просто понять себя.

Глава 8. Мышление

Лестница всегда начинается с самой дальней от цели ступени. И если в обычной жизни через нижнюю ступень можно перепрыгнуть, то в самопознании это неполезно. Только привычный образ мысли говорит нам, что в таком случае она будет преодолена, и останется позади. В действительности это ловушка.

Вдумайтесь сами в то, что прозвучало в предыдущих строках: если перешагнуть через нижнюю, дальнюю, начальную ступень, то можно сразу заняться главным, потому что она будет преодолена и останется позади. А если есть сила, то можно перешагнуть, перепрыгнуть сразу через несколько ступней и даже уцепиться и подтянуться еще выше, сразу отбросив множество шагов подготовительной работы…

Где позади? Когда вы говорите: если перешагнуть нижнюю ступень лестницы, и сразу перейти к главному, вы говорите о жизни, о мастерстве, о деле, о самопознании, но при этом продолжаете использовать метафору лестницы, то есть образ обычной лестницы, для того, чтобы сделать понятной свою мысль о движении по ступеням мастерства или внутреннего развития. Даже не говоря слово «лестница», мы все равно видим именно ее, как то понятие, что используем. Именно оно лежит в основе нашего мышления, когда мы говорим о «ступенях развития или движения», об «уровнях», «разрядах», пьедестале почета, чемпионстве, вхождении в сборную, приглашении на сборы и вообще о любом прогрессе.

В основе всей европейской теории прогресса лежит понятие о лестнице на Небеса, в сущности, двойной - вверх и вниз. Вниз ведет библейская лестница Иакова, по которой ангелы небесные спускаются на землю. Вверх - рукотворная Вавилонская башня, столп, по которому люди хотели подняться до небес и низвергнуть оттуда богов…

Прогресс - это вавилонская башня, всегда завершающаяся крахом, потому что построена людьми, чтобы подчинить себе природу. Видим мы ее как огромную каменную лестницу, свернутую спиралью. Поднимаясь по ней можно скакать через ступеньку или даже две, спускаться приходится кубарем, и потому пересчитывать все… Но это рукотворная лестница, и потому очень обычная.

Лестница Иакова нерукотворна, дорога ангелов явно совсем иная, и все же мы можем ее видеть и говорить только как о лестнице, которую опускают с Небес… На это надо обратить особое внимание: даже когда мы хотим сказать о том, что совсем не является лестницей, а всего лишь позволяет двигаться из одного места в другое, нам нечем это выразить, кроме образа лестницы.

Почему и что это значит для нас? Лестница - это очень простое орудие. Каждый видел, знает и может ее использовать. И использует множество раз на дню. Лестница - это настолько привычно, что мы даже пытаемся думать с её помощью… Как она так пробралась в наше сознание? Как она захватила наши тугие и неподатливые умы, которые не так уж охотно осваивают новое и сложное? Своей простотой?

Лестница настолько непроста, что её появление в жизни человека можно считать чудом. Лестница - это орудие борьбы с бесконечностью и безмерностью, это способ войти дважды в один и тот же исток, она так же невозможна, как остановленное мгновение или естественная наука, но она есть! Лестницу внесли в наше сознание каким-то чудом.

Как это объяснить? Вспомните древний пример, описывающий чудесность пространства и невозможность движения, как это считает философия - апории Зенона. Например ту, что Ахиллес не догонит черепаху.

Перед Ахиллесом, как и перед всяким спортсменом, стоит самая обычная задача: начать бег в точке С - старт и завершить его в точке Ф - финиш, пробежав расстояние в 100 стадий или любых других мер. Тем самым он должен преодолеть соответствующее этому расстоянию пространство. По условиям задачи одновременно с ним это же пространство преодолевает черепаха, которая начинает бег раньше и успевает пройти часть пути. Ахиллес - самый быстрый бегун Эллады. Он бежит в 5-10-20-100 раз быстрее черепахи. Но философ утверждает, что он никогда её не обгонит. Почему?

Потому что черепаха уже впереди. Совершенно все равно, насколько. Допустим она уже проползла 90 стадий, Ахиллес, бегущий в 10 раз быстрее её, пройдет эти 90

стадий, но черепаха успеет проползти на 1 стадию вперед, Ахиллес мгновенно преодолеет её, но черепаха окажется окажется впереди на 1 десятую стадии. И так бесконечно.

Что породило эту странную задачу про бесконечность? Возможность совершить чудо - поверить алгеброй гармонию и превратить хаос в порядок. Попросту говоря, наложить на бесконечный поток меру, разбить нечто, не поддающееся ни измерению, ни описанию, сетку из наших представлений о том, как нам удобней жить. Делается это просто: ты встаешь в начале пути и называешь это место точкой, а потом посылаешь другого себя, чтобы он встал в том месте, куда ты хочешь прийти, и называешь это место тоже точкой, точкой выхода или завершения пути. А потом разбиваешь этот путь на какие-то равные отрезки, скажем шаги…

И вот перед тобой отрезок пути равный ста шага, ста стадиям, ста мерам…

Нет пути, нет сетки, меры, отрезков, есть поток неведомого, на берегу которого ты стоял, считая, что пометил это место точкой. Точки тоже не было, потому что она тут же исчезла, размытая бесконечным движением, да её и поставить-то было не на что…

Но ты удерживал ее в своем воображении и нырнул, послал в плавание второго себя, и им выпрыгнул в каком-то ином месте этой безмерности, и утвердил себя там… И это было чудом. А после этого ты протянулся навстречу самому себе тонкими нитями воображаемых нитей, и нарисовал в своем сознании линии, похожие на лестницу из 100 шагов. И впечатал её в эту движущуюся безмерность. И из пространства родилось расстояние. А внутри него стало возможно двигаться не в потоке, а по ступеням и это было второе чудо.

А потом человек взял два куска вещества, из того, что назвал деревом, положил их вдоль звенящих от напряжения, как тетива нитей, впечатанных им в пространство, и стал прибивать к ним поперечины из того же дерева. И так родилось орудие, для преодоления непреодолимого. Теперь воображаемое расстояние овеществилось и стало орудием покорения пространства. Теперь его можно было приставить к любой желанной точке, и так соединить два куска безмерности расстоянием.

Ахиллес, способный свободно играть в безмерности стал достижим для черепахи, если его удавалась загнать в рамки этого воображаемого орудия покорения природы. Черепахи сильнее Ахиллесов в том мире, в котором существуют лестницы, потому что в лестницах их сила, сила, пролитая в мир, сила, проложившая мосточки над невероятным и потому позволяющая нам не тонуть в безмерности.

Сила эта воплощена в строгие, жестко закрепленные связки из образов, имеющих точную мерность. Называются эти цепи образов образцами, пока они в сознании и лестницами или науками, когда вовне.

Но фокус в том, что когда мы пытаемся говорить о сложном, мы непроизвольно опираемся на образ деревянной лестницы, в которой нам все понятно, а не на понятие, лежащее под ней. А под ней то, в чем движется Ахиллес, стихия, которая не имеет меры.

В итоге, когда мы собираемся преодолеть нижние ступени, мы предполагаем, что то, через что мы перепрыгнем, привязано к ним. А оно - единое целое с тем, к чем мы перепрыгнем.

Попросту говоря, если ты пропускаешь первую ступень, и сразу переходишь ко второй или третьей, она просто становится вдвое или втрое тяжелей, потому что содержит в себе все предыдущие…

Да и сами вы можете увидеть: пропустить нечто, чтобы оно осталось позади можно, когда лестница вне себя. Но как оставить позади то, что внутри? Позади чего останется пропущенная тобой часть тебя?

Самопознание - это не лестница, бегущая в небо, оно, скорее схоже с корзиной с ягодами, на дне которой наливное яблочко. Уж хочешь ли ты есть ягоды, или предпочтешь их высыпать, но идти придется последовательно.

Поэтому начинать надо с того, что дальше всего от цели, от Я. А дальше всего - эта самая пена из образцов, называемая мышлением. Именно с её помощью разум покорил хаос этого мира, и так обрел себя на вечную ловушку в тюрьме воплощения.

Глава 9. Мастерство

Вот теперь появляется возможность поговорить о том, как достигается мастерство вообще и в боевых искусствах в частности, так сказать, о самой природе мастерства.

Для боевых искусств обычное понимание таково: мастер - это тот, кто может побеждать других. Вопрос: за счет чего? - в сущности, не задается. Точнее, он присутствует лишь скрыто, потому что перекрывается готовым ответом. Ответ же этот обладает силой очевидности: надо делать так, как делают победители, которых ты видел. Этому же учат и тренеры.

Верный ли это подход? Конечно. Чтобы побеждать противников, их нужно знать, нужно изучать их сильные стороны. Но это нужно тем, кто выходит на соответствующий уровень мастерства. Начинающим закладывают основы в виде, условно говоря, «азов школы». Что это такое?

Это отдельные приемы, соединяющиеся в боевые связки всё большей сложности. И так, пока уровень твоей сложности в бою не станет таким, что ни один противник не сможет тебя «прочитать», то есть понять, как ты ведёшь бой.

В сущности, это все искусство хитрости, позволяющей обыгрывать других. И это все верно, как понимание мастерства, но поверхностно. Поверхностно именно потому, что направлено наружу, на других, и не идет вглубь тебя, не занято тобой. Мастерство бойца есть искусство укутывания себя во множественные слои хитросплетенных образов, из-за чего оно становится непреодолимой ловушкой для Я.

Не могу сказать, что другие подходы будут успешней, и что они позволят легче побеждать, возможно, как раз побеждать-то и станет трудней. Но пока мне важно лишь то, что другие пути возможны. По крайней мере, один путь. И это не путь победителя.

Это путь самопознания. Для бойцов могу сказать в оправдание этого пути одно: даже если он не облегчит ваши победы, он никак и не отменяет прежнего пути к мастерству через хитрость. Скорее, наоборот. Начав чуточку лучше понимать себя, вы будете лучше понимать и человека вообще, а значит, и противника в частности.

Впрочем, возможно, что самопознанием вы всё испортите себе, потому что пропадет само желание побеждать… Но это уже никак не признак потери мастерства.

Итак, путь к мастерству описан и пройден множеством мастеров, и поэтому он есть путь подражания. Его обучающая суть в предписании: делай, как я.

Но путь к мастерству лежит и через другие двери - за ними возможность увидеть, понять и подумать. Увидеть истинную природу себя, противников и мастерства, и овладеть ею. Почему этим путем не идут? Только потому, что путь подражания проще, как кажется.

В действительности, это далеко не так. Мастер, по которому ты делаешь жизнь, мог обладать таким телом, личностью и способностями, что ему было легко делать то, что позволяло побеждать. Ты же подражаешь, то есть пытаешься повторить его с твоими возможностями, и это может потребовать колоссального труда. И все же так проще. Потому что не требует думать…

По своему опыту могу сказать: самые красивые вещи в Любках получались у меня тогда, когда я прекращал тренироваться, переставал преподавать, садился за книги и думал об устройстве мира, жизни и себе…

После этого получались удивительные вещи, такие, каких я никогда бы не смог достичь, идя путем тренировок и усилий.

Думать, все-таки надо, потому что это сокращает путь к победе.

Но что мы увидим, если задумаемся про природу мастерства?

Первое и очевидное, что «мастерство» есть понятие, с помощью которого мы понимаем множество разных и одновременно сходных явлений. Иначе говоря, мастерство - это обобщающее имя для множества «мастерств», соответствующих разным делам. Это значит, что мастерства можно достичь в любом деле, а дел может быть бесконечно много.

Значит, и мастерств тоже бесконечно много, но имя «мастерство» выделяет в них нечто общее и дает ему имя. Поэтому мы можем считать, что слово «мастерство» означает некую суть присутствующую в разных мастерствах, которые назовем видами мастерства. Если появляется понятие «вид», значит, речь пошла о чем-то скрытом, что лишь показывает себя, являет, делает видимым, оставаясь скрытым. Это есть признак обобщающего понятия.

Обобщающие понятие - это образы, имеющие особое устройство, а самое главное, созданные из более легкого сознания, чем обычные образы. В силу этого понятия всплывают над образами, а обобщающие понятия над понятиями. Но тонкое правит грубым, а легкое тяжелым. Вот беда! Нас учили обратному, и все естественнонаучное мировоззрение убеждает: бетон, камень, железо тяжелее мысли и ей не подвластны!

Разве неподвластны? Разве это не очевидность, что мысль двигает горами из бетона и стали?

Вот так же и легкие образы управляют тяжелыми. Вы говорите имя и множество образов откликаются на него. Вы говорите: стакан, - и множество образов стаканов, которые вы видели за свою жизнь, подпрыгивают и звякают в готовности служить. Вы говорите: друг, - и лица друзей выстраиваются в ряд, чтобы напомнить о вашей жизни, о долгах, о битвах, где вместе сражалися вы. Вы говорите: измена, и не только воспоминания болезненных измен всплывают в памяти, но и сами эти состояния обрушиваются на вас, мешая телу дышать легко и свободно…

Разум решает задачи нашего выживания с помощью образов. Для этого он думает, но думает он понятиями, потому что понимание достигается только с их помощью.

Когда мы говорим: виды мастерства, мы говорим о тех способах, какими эта странная вещь являет нам себя в разных делах. Но чтобы научиться мастерству, а не этим делам, надо достичь понимания, надо понять, то есть создать себе ясное и четкое понятие о мастерстве.

Понятия создаются разумом, разум умеет только думать, значит понятия создаются думанием. Одно из средств думания - рассуждение. Попробуем порассуждать о мастерстве. Что это такое?

Очевидно, что мастерство - это некая человеческая способность, а именно способность делать что-то лучше других. Откуда мы это знаем? Из жизненного опыта: про того, кто делает что-то лучше других, говорят, что он мастер. И это повторяется из разу в раз. То, что повторяется, вызывает ощущение закономерности, а значит, истинности. Но тут может скрываться ловушка. Судите сами: если я сто раз перегибаю проволоку, и она не ломается, может сложиться ощущение, что она вечная и перегибание её не ломает. Но на сто первый раз она сломается. Значит, длительный ряд повторений не означает закона, он лишь живучая случайность.

Вот и то, что лучшего называют мастером выглядит законом, но нет ли из него исключений? И да, и нет. С одной стороны, на уровне языка люди всегда лучшего будут называть мастером. Но при этом мы точно знаем, что сам он может сказать про себя: какой я мастер! Вот такой-то был мастер! Я ему в подметки не гожусь…

Что же выходит? Что понятие «мастерство» предполагает две части: оценку людей и нечто за этим. А именно действительное владение делом. А ведь любое дело можно понять до такой степени, чтобы действительно мочь сделать все, что возможно

в этом деле, и сделать так, чтобы ни в одном из твоих действий не было ни ошибки, ни погрешности.

Овладев делом до такой степени, ты можешь и не стать мастером, поскольку это звание дают люди, оценивая тебя. Это возможно, если некому оценить. Единственный в племени, умеющий читать вслух, никогда не будет оценен как мастер, потому что его не с кем сравнивать. Племя скажет про него просто: еще у нас есть такой, который читает.

Но если есть кому оценивать, умеющего делать дело в совершенстве однажды обязательно объявят мастером. Это умение - суть и основа мастерства. Оценки же, по сравнению с другими есть лишь способы использовать это понятие для целей общества.Но что же такое умение делать дело в совершенстве? Если вы вдумаетесь - это вовсе не умение ковать, ткать или сражаться. Оно не имеет никакого отношения к железу, молоткам, нитям или мечам. Совсем никакого!

Оно относится только к образам, только к понятиям и пониманию того, как использовать эти тряпки, железяки или отношения между людьми.

Мастерство - это действительное понимание. Но не понимание вещи или мира, а понимание того, как с ними обращаться и как их использовать. Мастерство - это наличие образов действий, целостно вписанных в образ мира или дела, которым ты живешь. И мастерство в боевых искусствах - это понимание, всего лишь действительное понимание того, что и как надо сделать, чтобы победить противника.

Но кто твой противник? Он человек, он личность, он тело, и он душа. Если вы не поймете этого, вы сможете побеждать, ведь и кирпич убивает, сорвавшись с крыши, но мастерами вам не стать.

Глава 10. Понятие движения

Освоение любого другого дела, но особенно боевых искусств, позволяет очень глубоко заглянуть в себя. Особенно, если дойти в этом до мастерства.

Мастерство для человека самопознания - не самоцель, но прекрасное средство погружения в собственные глубины. Думаю, из предыдущих глав уже ясно, какого рода это погружение, и какие ступени удается преодолеть с его помощью. Боевые искусства, в частности, Любки, позволяют пройти от мышления, через разум и тело до стихийного состояния сознания. И мышление, и разум воплощены в разные «тела», составленные из образов, но задача пройти за них, чтобы открылось видение.

Видение - вот то орудие, что поведет нас дальше, в стихе существует лишь оно. Но чтобы к нему дойти, надо освоить первую ступень самопознания, которая ведется с помощью понимания, то есть разума. Поэтому, пока мы познаем себя как мышление и разум, мы изучаем не действительный мир, а собственные понятия о нем. Так же мы поступим и с движением. Именно оно открывается нам в боевых искусствах, а через себя показывает душу. Мы начнем с понятия о движении.

Что такое понятие? Все знают: это то, с помощью чего мы знаем что-то или о чем-то. Нет понятия - и ты не имеешь даже представления о вещи или явлении. Чтобы освоить движение, надо понять его, надо обрести понятие движения. Это абсолютно верно, и это абсолютная ловушка. Вдумайтесь. А лучше всмотритесь.

Понятие - это всего лишь образ созданный нашим разумом. Это всего лишь лестница, которую перекинули через неведомое. Вот только что было нечто стремительное и неуловимое, для чего мы придумали имя Движение. Раз имя придумано, значит, в действительности нет никакого движения, потому что слово "движение" лишь имя, а вещь не может быть равна своему имени. Имя обозначает нечто, но именно в силу своей способности быть знаком, оно никак не может соответствовать вещи, оно может лишь указывать на неё. И значит, то, что мы

называем движением, не есть движение, потому что "движение" - не больше, чем восемь букв и примерно столько же звуков. Мы могли бы назвать его как угодно, скажем movement, Bewegung. Movement и Bewegung не есть движение, даже если они обозначают одинаковое нечто. Следовательно, нет никакого movement, и нет никакого движения, и есть нечто, которое мы можем называть по-разному хоть до посинения.

Оно за именем, и оно за понятием о себе. Понятие во мне, вещь снаружи, они не могут быть едины. Вещь никогда не соответствует понятию, понятие не передает вещи. Оно позволяет нам понимать, о чем идет речь, в сущности, подсказывает, куда глядеть. Но при этом именно это, на что надо глядеть, понятие и закрывает от нас. Мы глядим туда, куда указывает понятие, и видим лишь его, потому что для того, чтобы понять, что мы видим именно то, о чем говорим, его надо узнать. А узнать мы можем только одним способом - накинуть на вещь ***узнавание***, то есть имеющийся у нас образ этой вещи.

В итоге, мы глядим на вещь лишь миг, затем мы рассматриваем её сквозь образ, а значит, видим его…

Чтобы понять движение надо суметь пройти за понятие о движении. А откуда мы знаем, что есть движение? Из жизненного опыта. Мы договорились некие узнаваемые явления называть движением. И теперь, когда обнаруживаем признаки, соответствующие нашему понятию о движении, мы узнаем, что перед нами движение.

Но каковы эти признаки?

Главный, если не единственный из них - вещь перемещается в пространстве. Вот поэтому мы и судим, решая, что в наличии есть движение. Но где оно? Разве движение скрывается внутри перемещения?

Нет, перемещение вполне самодостаточно, это самостоятельное явление, лишь сопутствующее движению. Почему я могу это утверждать? Да потому что, если вспомнить физику, предмет физической вселенной не может начать самостоятельного движения. Он либо будет бесконечно пребывать в покое, либо его нужно вывести из покоя внешним воздействием, толчком. Но это значит, что в самом предмете движения не было, оно не было ему свойственно. А если оно не свойственно ему, то его нет и когда покой утерян.

Движение могло быть в том, что вывело предмет из покоя, и оно могло передаться предмету после воздействия. Однако, после воздействия предметы лишь перемещаются строго в соответствии с законами механики из точки покоя в точку покоя. Изменить скорость или направление этого перемещения они не могут, что свидетельствует, что в них нет собственного источника движения.

Это всё становится очевидно при сравнении с живыми существами. Одушевленные существа с очевидностью обладают источниками движения. Они могут его начинать, менять и прекращать. На то они и одушевленные. Иначе говоря, этим источником в человеке является душа, которая и отличает его от предметов ньютоновской механической вселенной.

Но как увидеть движение в себе самом? Оно тоже не на поверхности. На поверхности тело, которое, если убрать душу, есть лишь вещь, предмет. И значит, предметом является каждая его часть. Поэтому, если приглядеться к собственным движениям, можно увидеть, что тело совершает множественные перемещения. Поведите рукой. Сначала вам покажется, что рука движется, но скоро вы поймете, что это перемещается вещь-рука. Пошевелите ногой, и увидите тоже самое. Даже когда вы пойдете, это будет всего лишь перемещение вещи-тела.

Движение было где-то раньше, там, где вещь получила толчок, пустивший её в перемещение сквозь пространство. Чтобы его рассмотреть, надо вспомнить выражение: родилось движение.

Движение рождается где-то в глубине меня. Родившись, оно бурлит и клокочет, пока я не создам образ, по которому хочу пустить свое тело в перемещение. Но как только он создан, движение выплескивается из его источника и толкает тело, тело перемещается по образу до тех пор, пока не исчерпается. Не исчерпается что? Отнюдь не движение. Его уже нет. Пока не исчерпается образ. Тогда нужно создать новый, и сделать еще один выплеск движения, который и даст новый толчок вещи. Если толчки будут частыми, а образы малыми, перемещения станут точней. Внешне такой человек будет казаться мастером движения. У него будут учиться.

Но, даже считаясь мастером, он не будет хозяином собственному движению. За него кто-то будет управлять им. Кто-то в нем, кто-то, кого не найти без самопознания.

Как увидеть движение? Надо научиться получать наслаждение от того, что не выпускаешь его. Лучшим упражнением является русская пляска, когда от звучания песни и ударов ног, что-то вдруг начинает гулять и играть в теле, и ноги, как это называется, рвутся в пляс.

Вот именно такое состояние и надо поймать своим созерцанием, и не выпускать его из себя, пока не станет уж совсем невмоготу. Именно на овладении им строились чародейские приемы вроде гусель-самогудов. С их помощью движение отрывается от одного человека и передается другому. В определенной мере этим чародейством владеют все. Но чтобы сделать его по-настоящему, надо стать хозяином собственному движению. И начать надо с того, чтобы научиться его видеть.

Глава 11. Устойчивость

Через движение можно познать собственную душу. Но чтобы понять движение, начать надо с того основания, без которого вообще нельзя было бы понять, что оно существует. В бесконечно текучем мире невозможно осознать, что все находится в движении, просто потому, что не с чем сравнить, ведь ничего иного и не существует. Это как с воздухом, который мы замечаем лишь тогда, когда его не хватает.

Конечно, наблюдательный человек мог бы заметить движение и по каким-то косвенным признакам, но начать лучше с самого простого и очевидного. С нашей способности стоять.

Все течет, все изменяется, все вокруг - лишь сетка узнавания, наброшенная нашим разумом на клубящееся нечто, текущее в бесконечность. И посреди этого моря изменений человек вдруг обнаруживает себя стоящим…

Как это возможно? Что это за чудо такое - человек, способный утвердить себя посреди безтвердия?!

У меня нет определенных и однозначных ответов. Я всего лишь познаю себя и исследую, исходя из подсказок, что давали мазыки. Когда-то я безоговорочно верил им, сейчас хочу видеть и понимать. Даже если их учение было верным, я не могу быть уверен, что понял их, а не узнал что-то свое. Поэтому я буду думать, смотреть и рассуждать. Хорошо бы уже иметь некую исходную теорию, позволяющую рассуждать верно, но я не могу создать ее до того, как наберу необходимый объем наблюдений над действительностью и опишу достаточно большую часть мира, относящуюся к моему собственному устройству. Таким образом, именно в этом исследовании я собираю исходный материал для создания теории прикладной культурно-исторической психологии.

Итак, я умею двигаться. Это чудо. Но я умею стоять, я могу не просто останавливаться в пространстве, но и быть устойчивым. И это не меньшее чудо. Ни один "объект механической вселенной" не может быть устойчивым. У него есть масса инерции, но даже крошечное воздействие извне перемещает его. Пусть чуть-чуть, но

неизбежно. Я же могу выдерживать очень большие воздействия, и оставаться на месте, гася их.

Как возможна устойчивость?

Не думаю, что многие из бойцов задумывались над этим, но при этом все они не только умом, но и самим телом знают, как она важна. Этим люди боевых искусств отличаются от остального человечества - их частенько считают не очень далекими, даже туповатыми, поскольку они плохо осваивают сложные понятия, вроде научных или культурных. Но при этом они в своем развитии доходят до того, что недоступно сложным людям современной цивилизации. Они доходят до простого, а в силу этого философского.

Боец, как и ребенок - не человек культуры или технологии, он - философ. Даже если с трудом может сложить пару слов о философии. Он философ-прикладник. То, что он осваивает - так трудно и так велико, что он вынужден отдать его пониманию все силы своей души, для чего отымает их у других способностей. В итоге многое проходит мимо. Но если в боевом искусстве удается достичь мастерства, прорвавшись сквозь начальные сложности, все наверстывается, поскольку обретается понимание мира большей глубины, чем доступно обычному человеку, то есть человеку, идущему обычными путями, созданными для него обществом.

Возрастная и детская психология внушает нам, что ребенок начинает с освоения самых простых понятий, которые постепенно складываются у него в сложные и все более сложные, которые однажды путем такого усложнения превращаются в философские категории. Детские психологи, похоже, никогда не наблюдали за детьми, о которых пишут. А если и наблюдали, то строго по методикам, созданным их незрячими предшественниками.

Дети начинают свое развитие с освоения самых сложных понятий, вроде плотности, движения, пространства, света… Затем они осваивают телесность вообще и тело, как орудие выживания на Земле. А потом они учатся превращать себя в существа, принадлежащие разным мирам, к примеру, людскому обществу или сообществам зверей. Не думаю, что кто-то из профессиональных философов в состоянии объяснить значение этого упражнения по превращению себя в существо определенного мира. Факт таков: всегда происходит превращение, но зачем, как, почему?

Профессиональные философы современности просто не в состоянии рассмотреть за этим движение духа, потому что они даже не заметили, как предали философию и сделали ее служанкой естествознания, когда-то выделившегося из философии. А естествознание утверждает: превращение человечка в человека - "естественный процесс", вроде биологического вызревания организма. Человек - существо общественное, следовательно, ему и свойственно превращаться не просто во взрослую особь, а именно в члена общества… Дух же - понятие идеалистическое, значит, не то, чтобы отсутствующее или неверное, но нежелательное и даже запретное для приличных людей!

Однако все люди воинских искусств живут ради обретения ратного духа, все они постоянно заняты воспитанием своего духа, он смысл их жизни, а при этом его нет… И нет его лишь потому, что кто-то решил его запретить и изгнать из нашей жизни!

Естественная наука отбросила слишком много важных философских вопросов. В итоге люди, вынужденные выживать в естественнонаучном обществе, теряют возможность говорить о том, что выходит за рамки дозволенного. И если они при этом заняты чем-то, вроде движения, устойчивости, ударов, взаимодействий, то выглядят неспособными связать двух слов, а остальные, кто предпочел подчиниться обществу, смеются над ними.

Однако отсутствие языка для описаний не означает отсутствие понятий и уж тем более видения. Я ощущаю себя именно таким уродом, которого общество, решив

двигаться дорогой в ад цивилизации, лишило даже языка для рассуждения о том, что меня занимает. Я мычу, шевелю губами и пальцами, и не могу высказать то, что вижу. Но я не сдамся, и попытаюсь описать мир таким, как он открывается человеку, познающему себя через воинские искусства. В частности, через способность стоять на своих ногах, через устойчивость.

Пойду просто, как вижу. В бою устойчивость проявляется в нескольких видах. В борьбе она позволяет не попадаться на броски, в рукопашной - не падать от ударов. Но еще важней устойчивость при перемещениях: переместился - утвердил себя, сделал боевое действие, опять переместился…

Пожалуй, я могу выделить три вида устойчивости: при перемещении я утверждаю себя, при ударе, когда я удерживаю себя от падения, и в броске, когда меня тянут или толкают. Это разные виды воздействий, а значит, я по-разному проявляю устойчивость.

Но ими не исчерпываются все возможности для исследования устойчивости. Когда меня отрывают от земли при броске, а я не даюсь, - это уже не устойчивость, а нечто иное. Скорее, способность воздействовать на противника, выводя из устойчивости его. Следовательно, я вижу устойчивость не только в себе, но и в другом.

Кстати, как и тогда, когда поддерживаю кого-то - просто так или в пляске.

Что же я при этом такое вижу, что заставляет меня почти непроизвольно бросаться, подхватывая себя, либо другого? Очевиден ответ: тело. Я вижу, как падает тело. Ответ этот не просто очевиден, он излишне очевиден. И я бы не смог преодолеть этой очевидности, если бы однажды мой учитель любков Поханя не сказал мне, что я не умею стоять на ногах.

Это было, кажется, в мой первый или второй день в гостях у него. Я знал, что пришел к мастеру боевых искусств, но не верил, что русский деревенский дед может действительно знать что-то такое, что меня удивит. И я держал себя с внутренним самоуважением - все-таки за мной были бокс, самбо и карате!

- Ты меня не поймешь, - вдруг сказал он. - Ты на ногах не стоишь. У тебя устойчивости нет…

- Как нет устойчивости?! - внутренне возмутился я - меня ни разу не сбили с ног ударом за все мои драки. И вообще в драках я побывал на земле только три раза, когда меня просто сваливали толпой, вцепившись в руки и ноги.

Но он предложил мне:

- Вот, давай поборемся. Встань крепенько, как если бы боролся.

Я встал, он протянул руки, как будто бы мы сцепились в захвате за руки, и подергал меня взад-вперед. Я стоял крепко и был вполне уверен в себе. А потом он сказал:

- А вот теперь смотри… - и неуловимым движением освободив свои руки, подхватил меня указательными пальцами под кисти возле запястий. В первый миг я думал, что сейчас перехвачу захват, но вдруг почувствовал, что цепляюсь за его пальцы своими кистями, точно крюками… У меня по телу прошла оторопь, точно внутренняя вспышка: это было невозможно! Невозможно, но я висел на его пальцах и не мог оторваться.

В следующие мгновения до меня начало доходить, что я очень плохо стою.

- Давай, давай, встань покрепче, - тут же подхватил он мою мысль.

Каким-то непонятным мне самому способом я все-таки восстановил жесткость моей стойки. Только руки почему-то по-прежнему цеплялись за его пальцы, и я никак не мог высвободить их, чтобы вцепиться в его руки своими. Так и висел на кистях как на крюках.

- Стоишь? - спросил он. - Крепко стоишь? Тогда смотри.

И начал мягко двигать пальцами то в одну сторону, то в другую. И я забегал…

Я бегал за его пальцами, семеня ногами, будто воздушный шарик, за которым волочатся мокрые ленты, липнущие к полу... Иногда я резко присаживался, чтобы уцепиться за пол, тогда Поханя делал круговое движение пальцами, и я бежал в другую сторону. А иной раз он мне улыбался, велел сопротивляться как можно сильней… и сдвигал меня прямо против моего усилия, будто не было моего веса и напряжения мышц…

- У тебя корешков нет, у тебя одни опоры… - сказал он и убрал пальцы.

И я остался один на один с плывущими под моими ногами облаками, похожими на крашеный пол деревенской избы…

Не знаю, сколько я так простоял, восстанавливая себя, помню только, что постепенно пол перестал подо мной плавать и стал управляемым. И помню, что мне этого не хотелось, потому что пока он плавал, был я, собранный Поханей в одинокую цельность посреди неведомого… А потом мир всосал меня в себя, и остались только тоска и жажда самопознания…

Сайт расширенного сознания...
www.soznanie.info